

Дерево рода в «Дафтар-и Чингиз-наме»

М. Иванич

*Сегедский университет, Сегед, Венгрия
(E-mail: res13986@iif.hu)*

ARTICLE INFO

Ключевые слова:
«Дафтар-и Чингиз-наме», «Огуз-наме», родовые атрибуты, дерево рода, этнография Южной Сибири и Поволжья, лингвогеография, геоботаника.

МРНТИ 16.21.63

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-1-20-35>

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ роли родовых деревьев народов Поволжья на базе памятника «Дафтар-и Чингиз-наме», источника XVII века, написанного анонимным автором. До сих пор нам не известен другой тюркоязычный памятник, в котором можно было бы найти одновременно все четыре атрибута рода, то есть дерево, птицу, тамгу и уран (боевой клич). Эти атрибуты являются постоянными характеристиками рода и выражают «мы-сознание» общества, различая данную группу от других, ей подобных. Из указанных атрибутов в статье рассматривается только дерево рода. Шестнадцать названий деревьев Дафтара были изучены посредством лингвогеографических и геоботанических методов. Выяснилось, что три дерева имеют очень широкое ботаническое и географическое распространения, которые охватывали всю Евразию и были известны у всех тюркских народов. Другая группа (из четырех деревьев) была характерна для Волго-Камском региона. Пять деревьев являлись туземными в Предкавказье, однако их лингвогеографический ареал распространяется от чувашского до кавказских языков. Из остальных четырёх деревьев два оказалось монгольским, а два персидским заимствованием.

Через систематическое изучение родовых деревьев можно было определить место обитания, образ жизни, а также кочевые маршруты некоторых родов. Для лучшей ориентации в названиях родовых деревьев в конце статьи дается таблица, в которой отмечены отдельные ареальные группы деревьев. Автор статьи отмечает недостаточную изученность родовых атрибутов и системы родов в Золотой Орде.

Received 25 November 2022. Revised 05 December 2022. Accepted 17 February 2023. Available online 30 March 2023.

For citation:

Ivanics M. Tree of the clan in the «Daftar-i Činggis-name» // Turkic Studies Journal. – 2023. – Vol. 5. – No. 1. – P. 20-35. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-1-20-35>

Для цитирования:

Для цитирования: Иванич М. Дерево рода в «Дафтар-и Чингиз-наме» // Turkic Studies Journal. – 2023. – Т. 5. – №1. – С. 20-35. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-1-20-35>

Введение

«Дафтар-и Чингиз-наме» (в дальнейшем Дафтар) – это уникальный памятник степной историографии тюркоязычных народов Поволжья, представляющий собой сборник историй и рассказов разного жанра, которые были составлены в один корпус в конце XVII века. В первом дастане речь идёт о Чингисхане, который каждому беку, избравшему его ханом, жалует родовые атрибуты – дерево, птицу, тамгу и уран (боевой клич или пароль)¹. Как известно, одной из важных черт рода является наличие общего «мы-сознания», которое отличает данную группу от других ей подобных. Это «мы-сознание» выражается в атрибутах рода, которые являются постоянными характеристиками данного общества. Нам не известен другой тюркоязычный памятник, в котором можно было бы найти одновременно все четыре атрибута. Именно за это «Дафтар-и Чингиз-наме» достоин нашего внимания. Из указанных выше атрибутов рода в данной статье рассматривается только лишь дерево, чтобы показать, какие знания можно приобрести через систематическое изучение степного социума эпохи Золотой Орды.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследований послужили эпические памятники тюркских народов, а именно, дастан Чингисхана из вышеназванного источника, эпос Огуз-наме и этнографические исследования по верованию тюркских народов Южной Сибири и Поволжья. В статье в качестве сравнительно-сопоставительного материала используются различные словари тюркских и монгольских языков, научные труды по этнографии и фольклору. В методах исследования особое внимание уделяется лингвогеографическим аспектам, а также истории поволжского и предкавказского региона. Для лучшей ориентации в названиях родовых деревьев в конце статьи смотрите таблицу, в которой отмечены отдельные ареальные группы деревьев.

Степень изученности темы

Следует отметить, что в тюркологии нет специальных работ по родовым атрибутам, хотя они доступны в разных источниках. В Огуз-наме, сохранившейся в персидской хронике Рашид ад-Дина, наряду с именами сыновей Огуз хана, даны названия тамг (но без их изображений) и онгоны², а также определенные части мяса животного, на которые они (т. е. сыновья Огуз хана) могли претендовать на пирах (РД/Хетагуров, 1952: 88-90; RD/Jahn, 1969: 45-48). Американский ориенталист Текстон, опубликовавший английский перевод Рашид ад-Дина, включил в свое издание и две версии Огуз-наме (RD/Thackston, 1998: xxxi-xliv), в которых из родовых атрибутов огузских родов указаны тамги (с изображениями), птицы (quş) и части мяса.

¹ “andin şong Ğingiz Ğan oşbu beg-lär-ning barĞa-sına özlü özi-gä tamğa quş ağaj uranlar berib...” (Ivanics, Usmanov, 2002: 56). Смотрите Appendix.

² Онгон – дух предка рода в культуре монгольских и тюркских народов, проявляющийся чаще всего в виде хищной птицы.

Однако в обоих вышеназванных источниках отсутствуют родовые деревья и ураны. В случае тамги следует отметить исследование военного инженера, капитана И.Г. Андреева, книга которого посвящена казахскому среднему роду. В конце XVIII века И.Г. Андреев опубликовал изображения тамг казахских родов (Андреев, 1998: 46). Конечно, сюда можно было бы внести и тамги на надгробиях. Изучение уранов требует систематического исследования эпических, повествовательных и исторических источников тюркских народов³. Это будет уже делом следующих поколений.

Анализ

Почитание деревьев, священных рощ и освященных лесов – общеизвестный культурно-исторический феномен, который можно наблюдать у разных народов мира. Если у индоевропейских народов культ деревьев и лесов был связан, прежде всего, с религиозными представлениями, с обитающими в нем богами, духами, добрыми и злыми феями, то у алтайских народов дерево как культовый объект воплощает жизненную силу и харизму человека или общины и одновременно служит местом для культовых действий родовой общины⁴. О поклонении деревьям алтайскими народами сообщают как внешние мусульманские источники, так и их собственные внутренние устные свидетельства и письменные памятники на монгольских и тюркских языках. Устные традиции тюркских народов до сих пор не оценены по их значимости. Недавно началась систематическая публикация основных этнографических источников, собранных в начале XX века по тюркским народам Южной Сибири. Эти публикации внесли значительный вклад в реконструкцию роли культа деревьев в родовых обществах (Сагалаев, Октябрьская, 1990). Справедливо будет использовать эти новые результаты этнографических исследований и в качестве параллелей для интерпретаций социальных и духовных явлений, связанных с культом дерева, которые есть в памятнике «Дафтар-и Чингиз-наме».

Прежде всего необходимо выяснить, возможно ли применить примеры, взятые из жизни народов Южной Сибири, к условиям других тюркских народов. Зная результаты исследования С.Ю. Неклюдова по мифологии монгольских и тюркских народов, на этот вопрос можно однозначно ответить утвердительно, так как лесные народы – благодаря своей консолидированной родовой организации – сохранили свои древние мифы в почти неизменном виде (Неклюдов, 1981)⁵. Верования степных родов также были гораздо ближе к мифологии лесных народов, чем к культам средневековых кочевых империй. Кроме того, и подобные географические условия Поволжья делают возможным это сравнение.

У народов Южной Сибири человек имел личную связь со своим деревом, потому что считалось, что *чула* (*čula/šula*), то есть 'душа, духовный двойник человека', скрыта в его дереве. Также словом *чула* обозначалась харизма общины, которую символизировала определенная порода дерева. Этнографические данные по южно-сибирским хакасам

³ Для примеров смотрите AGf/Derin Paşaoğlu, 2014: 109; Trepavlov, 2001: 221; Sultanov, 2001: 26; Kuzeev, 1960: 82, 1974: 110; BN/Thackston, 1993: 213.

⁴ Narva, 1922; Ögel, 1971. Хороший обзор о мифологии и верованиях алтайских народов можно найти в обеих частях тома семь Мифологического словаря (Wörterbuch der Mythologie).

⁵ Неклюдов С.Ю., 1981. Мифология тюркских и монгольских народов // Тюркологический Сборник 1971. Москва. С. 183-202.

дают четкое свидетельство того, что у стариков этого тюркского народа в начале XX века еще существовало двойное самосознание, которое выражалось через их родовую принадлежность, а также через дерево своего рода. Они заявляли себя в двойном качестве, говоря, что *söökimiz*, (дословно ‘наши кости’), то есть наш род, называется так и так, а *çulamiz* ‘наша чула’, то есть харизма нашего рода, воплощается в том или ином дереве (Сагалаев, Октябрьская, 1990: 54-57). Это явление свидетельствует о том, что чула является не менее важным и не менее значимым/равным компонентом, чем *söök*, т.е. кровное родство в «мы-сознании» рода. Род осознал себя как природное явление. Ствол дерева символизировал сам род, связанный кровным родством; ветви олицетворяли отдельные семьи, листья – лица, принадлежащие к роду; а корни в земле гарантировали связь с предками (Сагалаев, Октябрьская, 1990: 43-53).

Люди, объединенные одним деревом, считались родственниками, а образовавшаяся община была экзогамной. Поэтому было принято, чтобы люди, у которых была одна и та же чула, по возможности не женились друг на друге. Дети наследовали свою чулу от отца. Например, один из хакасских интервьюируемых дал следующее объяснение: «чула моего отца – береза, у моей матери чула – лиственница, поэтому моя чула – береза». Человеку не разрешалось срубить свое дерево, потому что его жизненная сила угасла бы. Если спиливание дерева по какой-либо причине было неизбежным, то это действие поручалось другому человеку. Эти сведения указывают на то, что род появился в верованиях южно-сибирского мира как своеобразная биосоциальная организация (Сагалаев, Октябрьская, 1990: 56-62).

Несомненно, что роды травяной степи также имели родовые деревья. В уйгурографическом Огуз-наме Огуз каган во время охоты видит свою будущую жену в дупле дерева⁶. В мусульманской версии того же источника культ дерева связан с легендой о происхождении имени кипчаков⁷. Но с точки зрения нашей темы наиболее важными являются строки из Огуз-наме, в которых сын славянского правителя (saqlab) выражает почтение Огуз кагану следующими словами: «Наша харизма стала твоей харизмой, наш род стал родом твоего дерева»⁸. Эти слова одновременно указывают и на то, что родовые атрибуты более сильного и крупного рода были переняты покоренными или мирно инкорпорированными родами.

В данном контексте возникает вопрос, возможно ли заменить дерево другим предметом культа? Исследования Татьяны Скрынниковой продемонстрировали такую трансформацию у монголов, когда спрятанная в дереве харизма передавалась предметам, сделанным из него, например, флагштоку, а затем и самому флагу. Флаг даже стал эквивалентом родового древа до такой степени, что скрытая в нем харизма с монгольским выражением *sülde* была позже использована для обозначения флага. Жертва, которую раньше приносили у родового дерева, была принесена за флаг (Скрынникова, 1997: 108, 115). Среди тюркских народов, например, башкирское объединение семи родов «Ете ырыу» проводило свои собрания у дубового столба, на

⁶ „bir köl arasında alından bir y(i)yaç k[ö]rdi bo iyaçnung qawuçayında bir qiz bar erdi jalıyuz olturur erdi yaqşı körüglüg bir qiz erdi ...” (Danka, 2019: 67–69).

⁷ „Қаdim Türk tilinde içi қовуш ағаçını қıпçақ дірлер іргендірлер. Аning үçün ол оғлан ағаç içinde туғди tip atın Қıпçақ қойдılar” (Ölmez Kargı, 1996: 134).

⁸ „biz-ning qut-biz sän-ning qut-ung bolmuş biz-ning uruγ-biz sän-ning iyaç-(i)ng-nung uruγ-i bolmuş bolup turur” (Danka, 2019: 95).

котором были вырезаны тамги отдельных родов (Кузеев, 1960: 194-195). Таким образом столб заменил дуб, выступая в качестве центра, соединяющего землю с небом. Это указание также особенно интересно для нашего дальнейшего изложения, потому что дуб в Дафтаре появляется родовым деревом рода Бурджан, который считался самым важным членом объединения «Ете ырыу». Замена родового дерева происходит у хакасов в очень своеобразной форме, которую можно объяснить из биосоциальной концепции рода. Когда для переправы через реку нужно было принести жертву духу-хозяину воды в таком месте, где не было дерева, ленты для подношений привязывали к пальцам старейшего члена рода, который протягивал руку над рекой. Таким образом старик символизировал древесного предка (Сагалаев, Октябрьская, 1990: 52).

Из этого отрывочного обзора ясно, что культ деревьев также был широко распространен и имел существенное значение среди тюркских народов. В этом контексте все еще остается много вопросов, которые нуждаются в ответе. Является ли дерево рода идентичным одному из коренных пород деревьев, которое растёт на территории кочевья? Можно ли определить кочевую территорию родовых объединений с помощью родовых деревьев? Что случается, если род вынужден откочевать со своего прежнего пастбища на новое место, где не растёт дерево, почитаемое ими как дерево рода? Выбирает ли род новую породу дерева для своего культа или имя старого переносится на новое дерево?

Для того, чтобы найти ответы на вопросы, находящиеся в «Дафтар-и Чингиз-наме» родовые деревья были сведены в таблицу по лингвистическим группам тюркских языков для уточнения их геоботанического и лингвогеографического распределения⁹. В таблице в первой строке перечислены названия родов, которые встречаются в источнике в персонифицированной форме, например, Qıqçaq Bıy и т.д.

Таблица 1: Родовые деревья в сочинении «Дафтар-и Чингиз-наме»

Род	Qatay	Ming	Tamyān	Qıyat	Uyşin	Qırçaq	Джорматы
Дафтар-и Чингис-наме	artiş можжевел- ник Juniperus	qayın берёза Betula	tiräk тополь Populus	qarağay листвен- ница Pinus larix	qarağaç ильм Ulmus pumila	qarama вяз Ulmus	üyängi тальник Salix
Монгол	arča	qadang		qargai			
Калмык	artsa		teräg	xarğä			
Чуваш	urtäş/urča xurän		tirek			hurama	yenkkë
Кипчак							
Татар	artiş/arča	qayın	tiräk	qarağay	qaragaç	qarama	öyänke
Башкир	artiş/arsa	qayın	tiräk	qarağay	qarağaç	qarama	öyänke

⁹ Целью данной статьи не было дать этимологию названий деревьев. Поэтому данные из диалектов не были включены в таблицу. Названия деревьев, выделенные курсивом, указывают на то, что название присутствует в данном языке, но не в том значении, которое приведено в таблице.

Кр.татар	arđič	qayin			qarağaç		
Караим		aqağaç	<i>diräk</i>				
К.Троки		qayin					
К.Халич.		aqağaç					
Кумык		qayin	<i>terek</i>	qarağay			
К.балкар		qayin	<i>terek</i>	qarağay			
Ногай		qayin	aqterek	qarağay	qarağaş		
К.калпак	arša	qaying	<i>terek</i>		qarağaş		
Казах	arša	qaying	<i>terek</i>		qarağaş		<i>üyenki</i>
Киргиз	arča	qaying	<i>terek</i>		qaraǰığaç		
Огуз				qarağay			
Турецкий язык	arđič	<i>qayin</i>	<i>direk</i>	qarağay	qaraağaç		
Азери	arđič	<i>ğayin</i>		qarağay			
Туркмен	arča	<i>ğaying</i>	<i>derek</i>		<i>ğarağaç</i>		
Гагауз	arča	qayin					
Турки							
Узбек	arča	qayin	<i>terak</i>	qarağay	qayrağaç		
Уйгур	ardaǰ	qeyin	<i>teräk</i>	qariğay	qariyağaç		
Сары уйг.	arča						
Салар							
Сибир							
Алтай-ский язык	arčın	qaying	<i>terek</i>	qarağay			
Хакас	arčın	xazing	<i>tirek</i>	xarağay			
Шор				qarağay			
Тувин-ский язык	artiš	xading	<i>terek</i>				
Тофалар	a”rtiš	qağing					
Якут		xating	<i>tiräx</i>	xariya oyür			

Долган									
Халадж.									

Род	Мутйа	Бор-кыт	Конграт	Кереит	Бурджан	Салджут	Темир Кутлу	Калдар Би	Чингис хан
Дафтар-и Чингиснаме	miläš рябина Sorbus aucu- paria	čağan клён Acer	älmağač ильм Zelkova ulmoides	čökä липа Tilia	imän дуб Quercus	köbrüj ясень Fraxinus	jirük ольха Alnus	şandal сантал Santalum	činar платан Platanus
Монгол		caḡān				küirüs	sirək	sandal	činar
Калмык		čağan		džöke		kürüs			
Чуваш	pileš		yělme	šäka	yuman	kavräš	zirek	sandal	činar
Кипчак							yerek	sandal	činar
Татар	miläš	čağan	elmä	yükä	imän	qorič a.		sandal	činar
Башкир	miläš	sağan	elmä	yükä	imän	qoros a.		sandal	
Кр. татар		aqča- ağač		yükä	emen	quruč a.		sandal	
Караим					äbän			sandal	
К. Троки					ämän			sandal	činar
К. Халич.							jerk	sandal	činar
Кумык				yögä	emen	güyrüč		sandal	šinar
К. балкар				jögä	emen	küyrüč		sandal	šinar
Ногай				yökä	emen	küyriš		sandal	šinar
К. калпак					yemen		yürgek	sandal	činar
Казах				žökä	yemen				
Киргиз				jökö	emen			sandal	činar
Огуз								sandal	činar
Турецкий язык						kürüč		sandal	činar
Азери				čökä		köyriš a.		sandal	činar

Туркмен					imen				
Гагауз							zirk d.		činar
Турки									činar
Узбек					eman				
Уйгур					eman				
Сары уйг.									
Салар							yürük?		
Сибир									
Алтай- ский язык									
Хакас					čögä				
Шор							širiš		
Тувин- ский язык									
Тофалар									
Якут									
Долган									
Халадж.									

О чем говорят нам эти названия деревьев? Из всего инвентаря мы пока оставляем в стороне деревья Чингисхана и Калдар бия (*činar, şandal*). Они будут рассмотрены ниже. Среди оставшихся четырнадцати деревьев есть только три, которые встречаются во всех группах тюркских языков и территориально по всей Евразии – это можжевельник (*artiš*)¹, береза (*qayın*) и тополь (*tiräk*). Они являются родовыми деревьями родов Катай, Минг и Тамян. Остальные одиннадцать деревьев в большинстве, как и ожидалось, являются хвойными и лиственными деревьями Поволжья. Все эти названия деревьев встречаются в кыпчакских формах, которые неизвестны или лишь спорадически присутствуют в огузском и в других тюркских языках (например, в азербайджанском или в узбекском языках, в случае последнего их наличие можно отнести к кыпчакскому компоненту в этногенезе). Таким образом, названия деревьев подтверждают, что сочинение «Дафтар-и Чингиз-наме» возникло в кыпчакском ареале.

Одиннадцать названий деревьев можно разделить на различные группы. Есть группа, состоящая из четырех деревьев – *qarama* ‘вяз’, *üyängi* ‘ива’, *miläš* ‘рябина’ и *čağan* ‘клен’ –

¹ Для различных названий можжевельника смотрите монографию Дорфера (Doerfer, 1965: 28).

названия которых были распространены только у народов Волго-Камского региона и являются деревьями родов Кыпчак (*Qipčaq*), Джормати (*Jormati*), Мутйан (*Mutyān/Muytän*)² и Боркыт (*Borqit*). Вяз (*qarama*), например, попал из чувашского языка в башкирский и татарский языки. Чувашское *yenkkĕ*, название ивы (*iüyängi*), было заимствовано из башкирского языка, так как это слово встречается только среди родов, живших рядом с башкирами. Рябина (*miläs*) является финно-угорским заимствованием во всех трех языках (Дмитриева, 2001: 35, 32, 38). Клен (*čağan*), с другой стороны, встречается только в татарском и башкирском языках. Поскольку *čağan* является заимствованием из калмыцкого языка, его отсутствие в чувашском свидетельствует о том, что среди народов Поволжья только чувашаи не поддерживали контактов с калмыками³. В случае этих четырех названий деревьев можно предположить ареальную конвергенцию и установить, что роды Кыпчак, Джорматы, Мутйан и Боркыт (*Borqit*) жили в среде, в которой они имели контакты с чувашами и финно-уграми, а с XVII века также с калмыками. Боркыты должны были иметь более тесные контакты с калмыками, так как название их родового дерева калмыцкого происхождения.

Деревья *älmä/älmağaç* 'ильм', *čökä* 'липа', *imän* 'дуб', *köbriñ* 'ясень' и *jürük* 'ольха' образуют другую группу. Они являются деревьями родов Конграт, Керейт, Бурджан, Салджут и хана Темир Кутлуга. Характерно, что их лингвогеографическое распространение простирается от чувашей до кавказских народов. Геоботанические данные, с другой стороны, свидетельствуют о том, что эти породы деревьев являются туземными в Предкавказье, и их ареал редко достигает северных регионов. Как можно объяснить это противоречие в данных? *Älmä/älmağaç* 'ильм' встречается у двух групп тюркских народов: в Поволжье (в чувашском, татарском и башкирском языках) и на Кавказе (в карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках)⁴. Известно, что в VII веке предки чувашей отделились от кочевавших в Предкавказье оногурских булгар и переселились на север. Именно отсюда они заимствовали название ильма, поскольку это слово индоевропейского (аланского?) заимствования. Ясень (*köbriñ*) и ольха (*jürük*) известны в гораздо более широком ареале тюркских языков, но в конечном виде они также относятся к оногуро-булгарской группе названий деревьев. И то, и другое были заимствованы венгерским языком в формах *köris* [kõriš] и *gyűrű* [d'ürü] еще до их завоевания Карпатского бассейна (Róna-Tas, Berta, 2011: 421, 599). Поэтому в случае этих родовых деревьев мы можем также говорить об ареальной конвергенции/сближении.

Этот историко-географический экскурс объясняет, почему у кыпчакских родов, расселившихся на севере в Волго-Камском регионе, родовое дерево имеет предкавказское происхождение. В распространении этих пород в качестве родовых деревьев за пределами их геоботанического

² Мутйан в Дафтаре встречается три раза (16v1, 24r7, 26r10), везде в одной и той же форме Мутйан (موتیان). Скорее всего, Мутйан (موتیان) – это опечатка имени Муйтена (موتین), предка башкирского рода Усерген.

³ Слово *čağan* скорее калмыцкое, чем монгольское заимствование, поскольку название дерева *čağan* полностью отсутствует в южно-сибирских тюркских языках, хотя в них можно наблюдать очень сильное влияние монгольского языка.

⁴ В первом издании Дафтара я принимала обычное чтение и перевод слова *älmağaç* «яблоня», но подумав, я пришла к выводу, что хотя и есть сорт дикой яблони, она не входит в систему родовых деревьев, так как она является единственным фруктовым деревом среди них. Маловероятно, что *älmä* «ильм» было заимствовано из русского языка (Дмитриева, 2001: 41), так как оно входит в состав туземных деревьев Предкавказья. Примечательно, что в Дафтаре есть три названия ильма в соответствии с его геоботаническим происхождением: сибирский ильм (*qarağaç*) рода Уйшин, волжский ильм (*qarama*) рода Кыпчак и предкавказский ильм (*älmağaç*) рода Конграт.

ареала, безусловно, сыграли огромную роль и другие исторические обстоятельства. Прежде всего, следует учитывать, что Поволжье вплоть до Предкавказья считалось доменом золотоордынских ханов. После распада Золотой Орды эта территория частично перешла под власть Ногайской Орды. Ногайцы и покоренные ими татарские и башкирские роды кочевали в этом районе. Поэтому языковая идентификация и территориальная локализация основных западно-кыпчакских родовых деревьев могла быть понята только в зеркале исторических событий.

Возвращаясь к дереву Чингисхана платану (*čīnar*) – слову, которое является персидским заимствованием, трудно найти какое-либо объяснение. В монгольских источниках не упоминается дерево великого хана. Платан не растет в монгольских степях. Его геоботаническое распространение тянется с Центральной Азии до южного побережья Каспийского моря. Можно предположить, что слово *čīnar* сохранило свое первоначальное значение, но имея в виду, что в киргизском и казахском языках *чынар* обозначает «горный тополь», следует полагать, что в этом случае мы имеем дело с переносом названия коренного дерева на другую породу, растущую на территории переселенного рода.

Подобные неясности возникают и с родовым деревом (*şandal*) Калдар бия⁵. Сандаловое дерево, конечно же, не росло в районах, заселенных тюркскими народами, так как это субтропическое дерево. Тем не менее, оно известно во всех тюркских языках, по всей вероятности, из-за торговых отношений, а отчасти из-за религиозных культов буддийских калмыков. Хотя в древнетюркских источниках встречается слово *čintan* 'sandalwood', заимствованное из санскритского языка (< *ḥandana*), нет сомнения в том, что слово *şandal* попало из персидского языка в тюркские языки (Tekin, 1993: 8; Steingass, 1930: 100). Однако трудно решить, действительно означал ли *şandal* сандаловое дерево или название его было также перенесено на другую породу дерева.

Полученные результаты

Примечательно, что имена трех деревьев родов Катай, Минг и Тамьян – можжевельник (*artiš*), береза (*qayīn*) и тополь (*tiräk*) – имеют очень широкое ботаническое и географическое распространение, охватывающее всю Евразию, за которым я подозреваю индоевропейский субстрат. Далее, можно установить, что два рода монгольского происхождения, Кият и Уйшин, кочевали к востоку от Волги, поскольку они не имели языкового контакта с чувашами. Напротив, четыре рода, Кыпчак, Джорматы, Мутйан и Боркыт, находились в тесном языковом контакте с тюркскими и финно-угорскими народами Поволжья, а после 1636 года – с калмыками. Я также рискну предположить, что эти четыре рода, живущие в непосредственной близости друг от друга в Волго-Камском регионе, вели оседлый образ жизни, поскольку название их родовых деревьев практически неизвестны в других тюркских языках.

Таким образом, было обосновано, что кочевые маршруты четырех родов Конграт, Кераит, Бурджан, Салджут, а также хана Темир Кутлу простирались от Поволжья до Аральского моря и предгорий Кавказа. Однако дерево рода Калдар бия не могло быть размещено на ботаническую карту тюркского мира.

⁵ Помимо Темир Кутлу(г) хана, другим реальным историческим лицом Дафтара является Калдар бий, который, согласно татарским генеалогиям, переселился из Крыма и Причерноморья в Булгарский улус Золотой Орды в конце XIV века (Әхмәтжанов, 1995: 12-27). Калдар бий упоминается среди арских князей в русских источниках (Исхаков 1995: 95-98).

Выводы

В заключение можно сказать, что из пятнадцати тюркских родов Дафтара, получивших родовые атрибуты от Чингисхана, на основе лингвистического и геоботанического изучения названий родовых деревьев и с помощью исторических данных, удалось определить ареал местопребывания двенадцати родов. Однако не было возможным окончательно установить, что случалось с родами, если они попадали в совершенно иные географические условия, переносили ли они название своего дерева на растущее в новом окружении дерево, или же выбирали себе другое родовое дерево.

Литература

Абдулгаффар Кырыми, 2014. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалиев. Казань. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Андреев И.Г., 1998. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым. 232 с.

Әхмәтҗанов М., 1995. Татар шәжәрәләре [Татарская генеалогия]. Казань: Tatarstan kitap neşrejatı. 127 с.

Дмитриева Юдит, 2001. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен. 211 с.

Исхаков Д.М., 1995. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.). Панорама – Форум 3. С. 95-107.

Кузеев Р.Г., 1974. Происхождение башкирского народа. Москва: Наука. 570 с.

Кузеев Р.Г., 1960. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство. 303 с.

Неклюдов С.Ю., 1981. Мифология тюркских и монгольских народов // Тюркологический Сборник 1971. Москва. С. 183-202.

Рашид ад Дин Фазлаллах, 1952. Джамии ат таварих (Сборник летописей). Том I/1. Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания А.А. Сменова. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук. 125 с.

РД/Хетагуров → Рашид ад Дин Фазлаллах.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В., 1990. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука. 209 с.

Скрынникова Т.Д., 1997. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. Москва: Восточная литература. 216 с.

Султанов Т.И., 2001. Поднятие на белой кошме. Потомки Чингисхана. Алматы: Дайк-Пресс. 273 с.

Birtalan Á., 2001. Die Mythologie der mongolischen Volksreligion. Wörterbuch der Mythologie. I. Abteilung, Die alten Kulturvölker. 7/2. H. W. Haussig (ed). Stuttgart: Klett – Cotta. P. 88-1097.

BN/Thackston → Zahiruddin Muhammad Babur Mirza

Danka B., 2019. The ‘Pagan’ Oγuz-nāmā. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 377 p.

Derin Paşaoğlu D., 2014. Abdulgaffar Kyrymi, Umdet al-Ahbar. Issue 1. Transcription, facsimile. Kazan: Institut Istorii i. Š. Mardžani AN RT. 420 p.

Doerfer G., 1965. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. 671 p.

Harva [Holmberg] U., 1922. *Der Baum des Lebens*. Helsinki (Annales Academiae Scientiarum Fennicae XVI). 182 p.

Ivanics M., Usmanov M. A., 2002. *Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingis-nāmā) Band I*. *Studia uralo-altaica* 44. Szeged: Department of Altaic Studies, University Szeged. 324 p.

Jahn K., 1969. *Die Geschichte der Oğuzen des Rašid ad-Dīn*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 100., Forschungen zur islamischen Philologie und Kulturgeschichte IV.). Graz–Wien–Köln. 78, 7 plates, 26 facsimile.

Kargı Ölmez Z., 1996. *Ebulgazi Bahadır Han: Şecere-i Terākime*. *Türkmenlerin Soykütüğü*. Ankara: Simurg. 559 p.

Kóhalmi U.K., 1999. *Die Mythologie der Mandschu-Tungusischen Völker*. *Wörterbuch der Mythologie. Götter und Mythen in Zentralasien und Nordeurasien*, 7 (1), E. Schmalzriedt & H. W. Haussig (eds). Stuttgart: Klett-Cotta. P. 1-170.

Ögel B., 1971. *Türk Mitolojisi*. Cilt 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 657 p.

Rashiduddin Fazlullah, 1998–1999. *Jamī'ū't tawarikh*. *Compendium of Chronicles. A History of the Mongols I-III*. Translated and Annotated by W. M. Thackston. (Sources of Oriental Languages & Literatures 45. Central Asian Sources IV). Part I. Cambridge: Harvard University. 240 p.

RD/Jahn → Jahn.

RD/Thackston → Rashiduddin Fazlullah.

Róna-Tas A., Berta Á., 2011. *West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian*. With the assistance of László Károly. Part I: «A–K». (*Turcologica* 84.). Wiesbaden: Harrassowitz. 618 p.

Roux, J.P., 1999. *Die alttürkische Mythologie*. *Wörterbuch der Mythologie*. I. Abteilung, Die alten Kulturvölker 7/1. E. Schmalzriedt & H. W. Haussig (eds). Stuttgart: Klett-Cotta. P. 175-277.

Steingass F., 1930. *A Comprehensive Persian-English Dictionary*. London: Rutledge–Kegan Paul. 1545 p.

Tekin T., 1993. *Irk bitig. The Book of Omens*. Wiesbaden: Harrassowitz. 132 p.

Zahiruddin Muhammad Babur Mirza, 1993. *Baburnama*. I–III. Turkish Transcription, Persian Edition and English Translation by W. M. Thackston, Jr. (Sources of Oriental Languages & Literatures 18.) Cambridge Mass.

Reference

Abdulgaffar Kyrymi, 2014. *Umdet al-ahbar*. Kniga 1: *Transkripciya, faksimile*. Seriya «Yazma Miras. Pismennoe nasledie. Transkripciya Der'ya Derin Pashaoglu; otv. redaktor I.M. Mirgaliev [Umdet al-akhbar. Book 1: Transcription, facsimile. Series “Yazma Miras. Written heritage. Transcription by Derya Derin Pashaoglu; executive editor I.M. Mirgaliev]. Kazan Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. [in Russian].

Andreev I. G., 1998. *Opisanie srednej ordy kirgiz-kajsakov [Description of the middle horde of the Kirghiz-Kaisaks]*. Almaty: Gylym. 232 p. [in Russian].

Ähmätđžanov M., 1995. *Tatar šädžäräläre [Tatar genealogies]*. Kazan: Tatarstan kitap neşrejati. 127 p. [in Tatar].

Dmitrieva (Szalontai) Judit, 2001. *Čuvašskie narodnye nazvanija dikorastuščih rastenij [Chuvash folk names of wild plants]*. Debrecen. 211 p. [in Russian].

Ishakov D.M., 1995. *K voprosu ob étnosocial'noj strukture tatarskih hanstv (na primere Kazanskogo i Kasimovskogo hanstv XV–ser. XVI vv.) [To the question of the ethno-social structure of the Tatar khanates (on the example of the Kazan and Kasimov khanates of the XV.mid. – XVI centuries)]*. In: *Panorama–Forum* 3. P. 95-107. [in Russian].

Kuzeev R.G., 1974. *Proishoždenie baškirskogo naroda. [Origin of the Bashkir people]* Moscow: Nauka. 570 p. [in Russian].

Kuzeev R.G., 1960. *Baškirskie šežere. [Bashkir genealogies]*. Ufa: Baškirskoe knižnoe izdatel'stvo. 303 p. [in Russian].

Nekljudov S.Ju., 1981. Mifologija tjurkskih i mongol'skih narodov [Mythology of the Turkic and Mongolian peoples]. In: Tjurkologičeskij sbornik 1977. Moscow. P. 183-202. [in Russian].

Rašid ad-Din Fazlallah Džami at-tavarih, 1952. (Sbornik Letopisej) Tom I/1 [Compendium of Chronicles. Vol I/1.]. Perevod s persidskogo L.A. Hetagurova. Redakcija i primečanija A.A. Semenova. [Translation from Persian by L.A. Khetagurov. Edition and notes by A.A. Semenov]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk. 125 p. [in Russian].

RD/Hetagurov → Rašid ad-Din Fazlallah. [in Russian].

Sagalaev A.M., Oktjabr'skaja I.V., 1990. Tradicionnoe mirovozenie tjurkov Južnoj Sibirii. Znak i ritual [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk. 209 p. [in Russian].

Skrynnikova T.D., 1997. Kharizma i vlast' v èpokhu Čingishana. [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. Moscow: Vostočnaja Literatura. 216 p. [in Russian].

Sultanov T.I., 2001. Podnjatie na beloju košme. Potomki Čingizhana [Rise on the white felt mat. Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Dajk Press. 273 p. [in Russian].

Birtalan Á., 2001. Die Mythologie der mongolischen Volksreligion. Wörterbuch der Mythologie. I. Abteilung, Die alten Kulturvölker. 7/2. H. W. Haussig (ed). Stuttgart, Klett-Cotta. P. 881-1097. [In German]

BN/Thackston → Zahiruddin Muhammad Babur Mirza.

Danka B., 2019. The 'Pagan' Oγuz-nāmā. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 377 p. [In English]

Derin Paşaoğlu D., 2014. Abdulgaffar Kyrymi, Umdet al-Ahbar. Issue 1. Transcription, facsimile. Kazan: Institut Istorii i. Š. Mardžani AN RT. 420 p.

Doerfer G., 1965. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. 671 p. [In German]

Harva [Holmberg] U., 1922. Der Baum des Lebens. Helsinki (Annales Academiae Scientiarum Fennicae XVI). 182 p. [In German]

Ivanics M., Usmanov M. A., 2002. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingis-nāmā) Band I. Studia uralo-altaica 44. Szeged: Department of Altaic Studies, University Szeged. 324 p. [In German]

Jahn K., 1969. Die Geschichte der Oğuzen des Rašid ad-Din. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 100, Forschungen zur islamischen Philologie und Kulturgeschichte IV.) Graz-Wien-Köln. 78. 7 plates. 26 facsimile. [In German]

Kargı Ölmez Z., 1996. Ebulgazi Bahadır Han: Şecere-i Terākime. Türkmenlerin Soykütüğü. Ankara: Simurg. 559 p. [in Turkish].

Kóhalmi U.K., 1999. Die Mythologie der Mandschu-Tungusischen Völker. Wörterbuch der Mythologie. Götter und Mythen in Zentralasien und Nordeurasien, 7 (1), E. Schmalzriedt & H.W. Haussig (eds), Stuttgart: Klett-Cotta. P. 1-170. [In German]

Ögel B., 1971. Türk Mitolojisi. Cilt 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 657 p. [in Turkish].

Rashiduddin Fazlullah, 1998-1999. Jami'ū't tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols I-III. Translated and Annotated by W.M. Thackston. (Sources of Oriental Languages & Literatures 45. Central Asian Sources IV). Part I. Cambridge: Harvard University. 240 p. [In English]

RD/Jahn → Jahn.

RD/Thackston → Rashiduddin Fazlullah.

Róna-Tas A., Berta Á., 2011. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. With the assistance of László Károly. Part I: «A-K». (Turcologica 84.). Wiesbaden: Harrassowitz. 618 p. [In English]

Roux J.P., 1999. Die alttürkische Mythologie. Wörterbuch der Mythologie. I. Abteilung, Die alten Kulturvölker 7/1. E. Schmalzriedt & H. W. Haussig (eds). Stuttgart: Klett-Cotta. P. 175-277. [In German]

Steingass F., 1930. A Comprehensive Persian-English Dictionary. London: Rutledge-Kegan Paul. 1545 p. [In English]

Tekin T., 1993. Irk bitig. The Book of Omens. Wiesbaden: Harrassowitz. 132 p.

Zahiruddin Muhammad Babur Mirza, 1993. Baburnama. I–III. Turkish Transcription, Persian Edition and English Translation by W.M. Thackston, Jr. (Sources of Oriental Languages & Literatures 18.) Cambridge Mass. [In English]

Appendix

(Приложение – текст памятника)

[f.23r] andin şong Jingiz Hān oşbu beg-lār-ning barçasına özlü özi-gä tamğa quş ağaj uranlar bārib baw baw halq qilib ayurdi äwwäl başlab Bodonjar oğli Qiyat-ga aydi sāning ağajing qarağay bolsun quşung şonqar bolsun uraning aru jān bolsun tamğang ačamay bolsun ya'ni äwirnä tamğa bolsun tedi şifati oşbudur **X** yänä andin şong Jingiz Hān Qongrat Biy oğli Sänglä-gä aydi ay Sänglä sāning ağajing älmağaj bolsun quşung läč'in bolsun uraning Qongrat bolsun tamğang ay tamğa bolsun şifati oşbudur **O** yänä andin şong Jingiz Hān aydi ay Uyşin Mayqı Biy sāning ağajing qarağaj bolsun quşung qara quş bolsun uraning şalawāt bolsun tamğang särgä bolsun şifati oşbudur **U** [f.23v] yänä andin şong Jingiz Hān Ordağ Biy-gä aydi ay ming şadaqli Ordağ ya'ni ming temäk-lik andin qaldı Ordağ Biy gāyāt dā bay kişi erdi uruşğa çıqar bolsa ming şadaqli kişi birlä çıqar erdi Jingiz Hān Ordağ-gä aydi ay Ordağ sāning ağajing qayin bolsun quşung qarçığa bolsun uraning alağ bolsun tamğang quş qabırğa bolsun tedi şifati oşbudur **U** yänä andin şong Jingiz Hān aydi ay Tamyān Biy sāning ağajing tiräk bolsun quşung qirğiy bolsun uraning tuşya bolsun tamğang irğaq bolsun şifati oşbudur **P** yänä andin şong Jingiz Hān aydi ay Qipçaq Biy sāning ağajing qarama bolsun quşung bürküt bolsun uraning toq şaba bolsun tamğang tarağ bolsun tedi şifati oşbudur **U** andin şong yänä Jingiz Hān aydi ay jormaṭı Biy sāning ağajing üyāngi bolsun quşung [f.24r] itälgü bolsun uraning aq ṭaylağ bolsun tamğang sinli sinäk bolsun tedi şifati oşbudur **Y** andin şong Jingiz Hān aydi ay Keräit Biy sāning ağajing çökä bolsun quşung qaz bolsun uraning ar börü bolsun tamğang köz tamğa bolsun tedi şifati oşbudur **A** yänä andin şong Jingiz Hān aydi ay Mutyan Biy sāning ağajing miläş bolsun quşung ṭurna bolsun uraning bayğongrat bolsun tamğang quyuşğan bolsun şifati oşbudur **Y** andin şong yänä (11) Hān aydi ay Burjan Biy sāning ağajing imān bolsun quşung küçügän bolsun uraning aq toğan bolsun tamğang jağalbay bolsun tedi şifati oşbudur **U** andin şong yänä Jingiz Hān aydi ay Borqit Biy sāning ağajing çağan bolsun quşung hödhöd bolsun uraning buruğ bolsun tamğang ämzä bolsun şifati [f.24v] oşbudur **S** andin şong yänä Jingiz Hān aydi ay Qağın-jar oğli Qatay sāning ağajing artış bolsun quşung qawdu bolsun uraning ṭaylağ bolsun tamğang särü bolsun tedi şifati oşbudur **+** andin şong yänä Jingiz Hān aydi ay Qaldar Biy sāning ağajing şandal bolsun quşung kögärçin bolsun uraning arnaw bolsun tamğang jümüğ bolsun tedi şifati oşbudur **U** yänä andin şong Jingiz Hān aydi ay Saljut Biy sāning ağajing köbrüğ bolsun quşung köyüldü bolsun uraning barlaş bolsun tamğang üy tamğa bolsun tedi şifati oşbudur **Q** andin şong yänä Jingiz Hān aydi ay Temir Qutlu Biy sän qara kişidän bayliğing birlä köb māl barmäkliging birlä biy-lik tabdung sāning ağajing jirük bolsun quşung şayışqan bolsun uraning taban bolsun tamğang yarım tarağ bolsun tedi şifati [f.25r] oşbudur **U** yänä Jingiz Hān-ning özi-ning uranı jān qaba degän erdi [...] Jingiz Hān-ning öz quşı [eki baş qara quş] erdi [...] Jingiz Hān-ning özi-ning ağaçı çinar erdi [...] Jingiz Hān özi-ning tamğası quş baş degän tamğa erdi şifati oşbudur **U**

М. Иванич

*Сегед университеті, Сегед, Мажарстан
(E-mail: res13986@iif.hu)*

«Дафтар-и Шыңғыс-нама» ескерткішіндегі ру ағашы

Аннотация. Бұл мақаланың мақсаты – XVII ғасырда белгісіз автор жазған «Дафтар-и Шыңғыс-нама» ескерткіші негізінде Еділ бойы халықтарының ру ағаштарын талдау. Өзімнің қазіргі біліміме сүйенсем, бір мезетте рудың төрт бірдей атрибутын, яғни ағашты, құсты, таңбаны және ұранды қамтитын басқа түркі тілдес ескерткіш маған беймәлім. Бұл атрибуттар рудың тұрақты сипаттамалары болып саналады және осы топты өзі секілді басқа топтардан ажырата отырып, қоғамның «біздік санасын» білдіреді. Мақалада аталған атрибуттардың ішінен тек ру ағашы қарастырылады. «Дафтардағы» он алты ағаш атауы лингвогеографиялық және геоботаникалық әдістер арқылы зерттелді. Үш ағаштың ботаникалық және географиялық тұрғыдан өте кең таралып, бүкіл Еуразияны қамтығаны және барлық түркі халықтарына мәлім болғаны анықталды. Төрт ағаштан тұратын басқа топ Еділ-Кама өңіріне тән болған. Бес ағаш Кавказ алдын жерсінген, бірақ олардың лингвогеографиялық аймағы чуваш тілінен кавказ тілдеріне дейін таралған. Қалған төрт ағаш атауларының екеуі моңғолдан, екеуі парсыдан кірме сөздер болып шықты.

Ру ағаштарын жүйелі зерттеу арқылы кейбір рулардың тіршілік еткен қонысын, өмір салтын, сондай-ақ көші-қон бағыттарын анықтау мүмкіндігі туды. Ру ағаштарының атауларын дұрыс бағдарлау үшін мақаланың соңында ағаштардың жеке аумақтық топтары белгіленген кесте берілген. Мақала авторы Алтын Ордадағы рулық атрибуттар мен рулық жүйенің жеткілікті дәрежеде зерттелмей келе жатқанын атап өтеді.

Кілт сөздер: «Дафтар-и Шыңғыс-нама», «Оғызнама», рулық атрибуттар, ру ағашы, Оңтүстік Сібір мен Еділ бойы этнографиясы, лингвогеография, геоботаника.

М. Ivanics

*University of Szeged,
Szeged, Hungary
(E-mail: res13986@iif.hu)*

Tree of the clan in the «Daftar-i Činggis-name»

Abstract. The article is aimed to analyze the role of trees of clans of the Volga region peoples based on the monument «Daftar-i Činggis-name», a source of the 17th century, written by an anonymous author. According to my current knowledge, there is no other Turkic-monument that is known for all four attributes of the clan at the same time, i.e. a tree, a bird, a tamga, and an uran (battle cry). These attributes are constant characteristics of the clan and express “we are the consciousness” of society, distinguishing this group from the others. This article considers only the tree of the clan from the specified attributes. Sixteen names of Daftar trees were studied by means of linguo-geographic and

geobotanical methods. It turned out, that three trees have a very wide botanical and geographical distribution, which covered the whole Eurasia and were known to all Turkic peoples. Another group (of four trees) was typical in the Volga-Kama region. Five trees were indigenous in the Ciscaucasia, but their linguo-geographic range extends from the Chuvash to the Caucasian languages. From the other four trees, two turned out to be Mongolian, and two were Persian borrowings.

In the framework of the systematic study of trees of clans, it was possible to determine the habitat, lifestyle, and also nomadic routes of some clans. For better understanding of the names of trees of clans, a table is given at the end of the article, with marked individual areal groups of trees. The author of the article notes the lack of knowledge of clan attributes and the system of clans in the Golden Horde.

Keywords: «Daftar-i Ćinggis-name», «Oguz-name», clan attributes, the tree of the clan, ethnography of Southern Siberia and the Volga region, linguo-geography, geobotany.

Сведения об авторе:

Мария Иванич, доктор исторических наук, заслуженный профессор кафедры алтаистики, Сегедский университет, ул. Егетем, 2, Сегед, Венгрия.

Scopus ID: 23989082100

Авторлар туралы мәлімет:

Мария Иванич, тарих ғылымдарының докторы, Алтаистика кафедрасының құрметті профессоры, Сегед университеті, Егетем көшесі, 2, Сегед, Мажарстан.

Scopus ID: 23989082100

Information about authors:

Mária Ivanics, Doctor of History, Professor Emeritus of the Department of Altaistics, University of Szeged, Egyetem u. 2, Szeged, Hungary.

Scopus ID: 23989082100